

КРОКОДИЛ

№ 11 АПРЕЛЬ

2556

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

МОСКВА 1935

1
МАЯ

МАЙСКИЙ ВЕЧЕР

— Теперь я понимаю, что такое тяжелый гнет прошлого.

БАНЯ И ЛЮДИ

В свое время мы чего-то такое писали насчет бань. Сигнализировали опасность. Дескать, голому человеку номерки некуда деть и так далее.

Прошло несколько лет.

Затронутая нами проблема вызвала, конечно, горячие дискуссии в банно-прачечном гресте. В результате чего кое-где отвели особые ящики, куда каждый «пассажир» может класть свою какую ни-на есть одежду. После чего ящик замыкается на ключ. И пассажир с радостной душой поспешает мыться. И там привязывает этот ключ к шайке. Или, в крайнем случае, он не выпускает его из рук. И как-то там моется.

Короче говоря, несмотря на это, вот какие события развернулись у нас в Ленинграде в высшем классе Таврической бани.

Один техник Н. захотел, конечно, после мытья одеться. И вдруг он с ужасом замечает, что весь его гардероб украли. И только вор, добрая душа, оставил ему жилетку, кепку и ремень.

Он прямо ахнул — этот человек. И стоит он без ничего около своего ящика — и прямо не имеет никакой перспективы. Он стоит около ящика в чем его мама родила и руками разводит. Он ошеломлен.

А он — техник. Не без образования. И он прямо не представляет себе, как он генерль дамой пойдет. Он прямо на ногах качается.

Но потом он сгоряча надевает на себя жилетку и кепку, берет в руки ремень и в таком, можно сказать, отвлеченном виде ходит по предбаннику, мало чего соображая.

Некоторые из публики говорят:

— В этой бане каждый день кражи воруют.

Наш техник, имея головокружение, начинает говорить уже на каком-то старорежимном наречии с применением слов «господа». Это он, наверное от сильного волнения, порастерял некоторые новые свойства своей личности.

Он говорит:

— Меня, господа, главное интересует, как я теперь домой пойду.

Один из немывшихся еще говорит:

— Позовите сюда заведующего. Надо же чего-нибудь ему придумать.

Техник говорит слабым голосом:

— Господа, позовите мне заведующего.

Банщик в одних портяках бросается к выходу, и вскоре он является с заведующим. И тут вдруг все присутствующие замечают, что этот заведующий — женщина. Техник, сняв кепку с головы, задумчиво говорит:

— Господа, да что же это такое. Еще того чище. Мы все мечтали увидеть сейчас мужчину, но вдруг, представьте себе, приходит женщина. Это, говорит, чтоб в мужской бане были такие заведующие — это прямо, говорит, курская аномалия.

И, прикрывшись кепкой, он в изнеможении садится на диван.

Другие мужчины говорят:

— Да, уж это ни к чему. Это аномалия.

Заведующая говорит:

— Для вас, может, я и курская аномалия. А там у меня че-

рез площадку — дамское отделение. И там, говорит, я далеко никакая не аномалия.

Наш техник, запахнувшись в свою жилетку, говорит:

— Мы, мадам, не хотели вас оскорбить. Что вы ерепенитесь. Лучше бы, говорит, обдумали, в чем я теперь пойду.

Заведующая говорит:

— Конечно, до меня тут были заведующие мужчины. И на этой вашей половине они были очень хороши, но в дамском отделении они все с ума сходили. И теперь мужчинам назначения не дают. А дают женщинам. А что касается меня, то я захожу сюда редко и по мере надобности. И я от этого не теря-

юсь. А что я нарываюсь тут у вас на оскорбления и меня каждый моющийся обзывает курская аномалия, то я предупреждаю: каждого, который меня впредь оскорбит на моем посту, я велю такого отвести в отделение милиции... Что у вас тут происходит?

Техник говорит:

— Господа, что она ерепенится. Ну ее к чорту. Я не предвижу, как я без штанов домой пойду, а она не позволяет мне называть ее даже курская аномалия и она грозит меня в милицию отвести. Лучше бы тут заведующий был мужчина. По крайней мере, он бы мне мог одолжить какие-нибудь свои запасные штаны. А что заведующая женщина — это меня окончательно побивает. Теперь я уверен, что из этой бани я несколько дней не уйду.

Окружающие говорят заведующей:

— Слушайте, мадам, может, тут у вас в бане есть муж. И, может быть, он у вас имеет запасные штаны. Тогда дайте им в самом деле их на время. А то они страшно волнуются.

Заведующая говорит:

— В дамском отделении у меня полная тишина, а на этой половине происходит все равно, как извержение вулкана. Я тут прямо отказываюсь быть заведующим. У меня муж в Уфе работает, и ни о каких, конечно, штанах не может быть речи. Тем более, что сегодня это уже второе заявление о краже. Хорошо, что в первый раз украли мелочи. Тогда вот что, если тут у кого-нибудь есть какие-нибудь запасные штаны, то дайте им, а то мне на них прямо тяжело глядеть. У меня мигрень начинается от всех этих переживаний.

Банщик говорит:

— Хорошо, я опять дам свои запасные штаны. Но вообще надо будет шить, наконец, казенные. У нас часто воруют, и в этот месяц у меня прямо носили мои штаны, — то один возьмет, то другой.

Вот банщик дает нашему технику ситцевые штаны, а один из моющихся дает ему куртку и шлепанцы. И вскоре наш друг, с трудом сдерживая рыдания, облачается в этот музейный наряд. И в таком нелепом виде он выходит из бани, мало чего понимая.

Вдруг после его ухода кто-то кричит:

— Глядите, вон еще чья-то лишняя жилетка валяется и один носок.

Тогда все обступают эти найденные предметы.

Один говорит:

— Вероятно, это вор обронил. Поглядите хорошенько жилетку, нет ли там в карманах документов.

Выворачивают карманы и вдруг там находят удостоверение. Это пропуск на имя Селифанова, служащего в центральной пошивочной мастерской.

Тут всем становится ясно, что воровские следы уже найдены.

Тогда заведующая бойко звонит в милицию, и через два часа у этого Селифанова устраивается обыск.

Селифанов страшно удивляется и говорит:

— Чего вы обалдели, господа. У меня у самого сегодня в этой бане вещи украли. И я даже делал об этом заявление. А что касается этой моей жилетки, то ее, наверное, вор обронил. Или он ею не воспользовался.

Тут перед Селифановым все извиняются и говорят ему: это недоразумение.

Но вдруг заведующий пошивочной мастерской, где служит этот Селифанов, говорит:

— Да, я уверен, что вы сами в бане пострадали. Но скажите, откуда у вас этот кусок драпа, что лежит в сундуке. Этот драп из нашей мастерской. Его у нас нехватает. И вы его, наверное, взяли. Хорошо, что я пришел вместе с обыском.

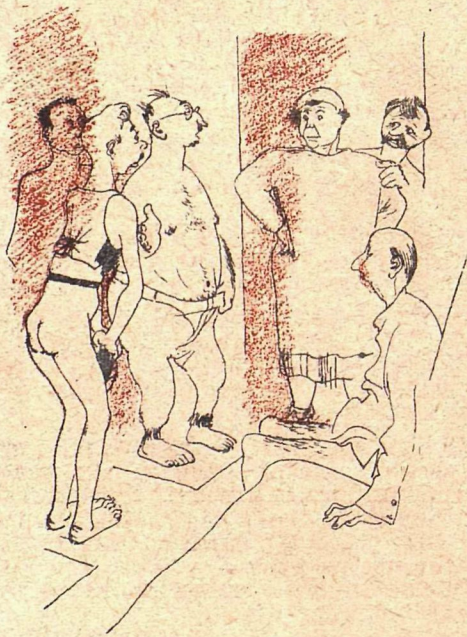
Селифанов начинает лепетать разные слова, и вскоре он признается в краже этого драпа.

Тут его моментально арестовывают. И на этом заканчивается банная история, и начинаются уже другие дела.

В общем, и бани и моющиеся там люди, казалось бы, могли за последнее время подтянуться и выглядеть еще более эффектно: в банях могли бы чего-нибудь особенное придумать на этот счет, а люди могли бы не воровать имущество в таких ответственных местах.

МИХ. ЗОЦЕНКО

Иллюстр. Н. Ротова

ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ И ПОДЛИННЫЙ КОНЕЦ

ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ КОНЕЦ

Шумят леса Сельмы Лагерлеф. Это сказка для туристов, и это воскресный отдых для каждого шведского рабочего. Если прилечь в лесу, — высоко небо, пахнет тупо и мудро сырая земля, и вечен, непреложен гуд верхушек: этот органист никогда не меняет нот — рождаемся, цветом, отмираем, переходим в дым, в гниль, в прах, в новый лес, в новую смерть. Обождите, господа деревья! Здесь требуется другой вариант все той же темы. Вы переходите в спички, в цифры, в огромную бессонницу господина Ивара Крейгера.

По рекам плывут бревна, скрежещут лесопилки, пыхтят суда. Что остановит Крейгера? Осина?.. Нет, он превратил себя, обыкновенного провинциала, сына консула, в короля спичек, он сможет превратить любое дерево в заповедную осину. А вдруг пропадут спички, вдруг науке надоест довольствоваться одними усовершенствованиями, вдруг преподнесет она новое изобретение, — хватит, мол, допотопных коробочек? Ведь искра Прометей — не обязательно шведские спички. Вдруг трест Крейгера станет смешным, как трут и огниво? Что же, изобретателя можно кушать, можно объявить его буйно-помешанным, можно, наконец, прибегнуть к калькуляции: новый патент столько-то лет, столько-то миллионов... Крейгер ведь только начал со спичек. Это его юность и его титул. Но у него заводы, у него рудники, он выделяет телефоны и шарикоподшипники, он хозяин кирунской руды и древесной бумаги, у него копи в Алжире, у него банки повсюду: в Париже, в Варшаве, в Бостоне. Со спичек от начал. Чем он закончит?.. Журналисты отвечают: организацией производства, победой империей разума. А деревья, те, что шумят день и ночь, еще не срубленные деревья угрюмых шведских лесов, деревья знают свое: рождаемся, цветом, отмираем — дым, гниль, прах..

Его тело было отправлено в Швецию. На вокзале собрались представители правительства, послы различных держав, сенаторы, финансисты, словом, все, что было в Париже самого веского и блистательного. Многие сморкались: осенний дождь, ни на час не перестававший, был тому виной. Все степенно изображали горе. Потом все разошлись.

Гроб в вагоне трясся, лишая даже иллюзии покоя. Никто не горевал, и никто, разумеется, не плакал.

Некрологи были напечатаны во всех газетах мира, и все потребители спичек увидели энергичное лицо. На фотографиях Крейгер, понятное дело, улыбался. Эта посмертная улыбка никого не озадачила: спички не могли ни подешеветь ни подорожать. Другое дело акции... Впрочем, и акционеры не беспокоились, — в газетах было напечатано краткое, но внушительное сообщение:

«Кончина Ивара Крейгера никак не отразится на делах Спичечного треста».

В Париже все еще лил дождь, и под дождем отдавали живые визиты своим мертвым. На один день кладбища стали клубами и раутами. Мокрая глина, бисерные веночки, креп, слезы, насморк, грипп. Все здесь мешалось: грязь и горе, жизнь и смерть. Крейгера больше не было, и однако Крейгер продолжал существовать, он жил в любой коробке спичек, он жил в акциях, в суতোлке биржи, в толках о конференции и в таинственной тьме лапландских шахт. Ничего не переменялось. Крейгер ли бессмертен? Или была его жизнь выдуманной и призрачной? Кто ответит на эти вопросы? Кто поймет тайну 47 лет жизни и одного серого дождливого дня?..

1930 г.

СНОСКА

В 1930 г. советский писатель Илья Эренбург написал роман „Единый фронт“. Это был роман о короле спичек. В 1931 г. король спичек Ивар Крейгер разослал во все французские газеты загадочную статью. Он объяснял падение биржевых курсов романом советского автора. Он писал: „Большевики во что бы то ни стало решили погубить г. Ивара Крейгера“. Он подделывал подписи под итальянскими облигациями и он уже останавливался возле витрин оружейного магазина.

Секретарь Крейгера барон Дракенфельд в книге воспоминаний пишет: „Перед смертью Ивар Крейгер читал роман советского писателя Ильи Эренбурга“.

1932 г.

ПОДЛИННЫЙ КОНЕЦ

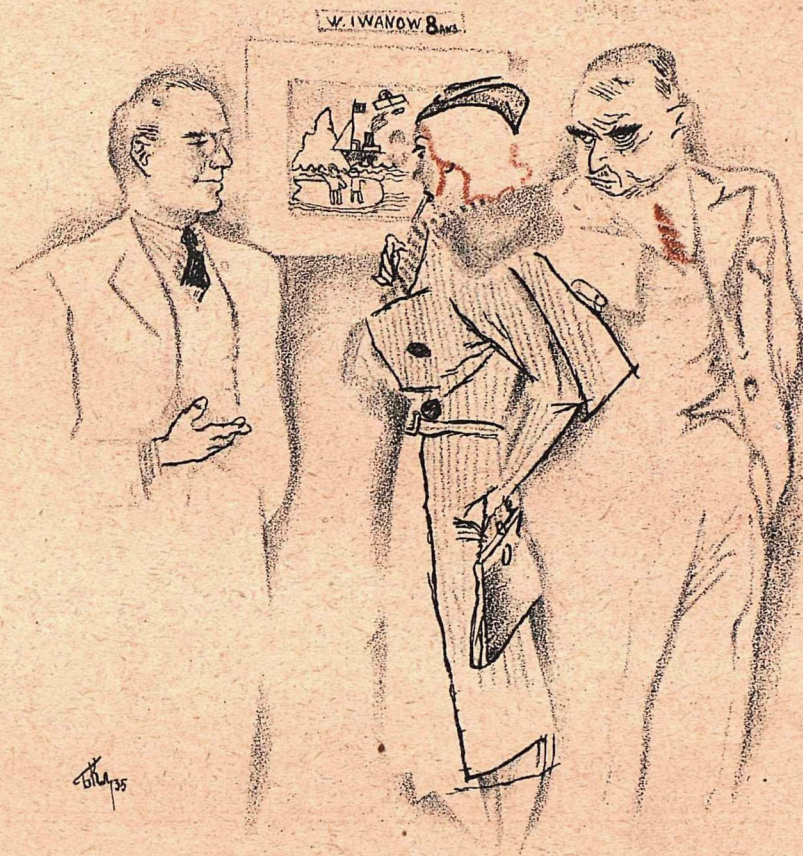
Задыхаясь, он бегал из одного банка в другой: он искал лавейки. Он выслушивал вежливые отказы. Он еще пробовал улыбаться своей классической улыбкой. Он вздыхал по прямому проводу. Он слал трагические каблогаммы. Волнуясь, он швырял шляпу равнодушным лакеям. Он говорил:

— Моя гибель будет началом общей катастрофы..

ХОРОШАЯ ШКОЛА

(На выставке рисунков советских детей в Париже)

Рис. Б. Клинка

— Интересно знать, какую школу прошел этот блестящий молодой художник?
— Прекрасную. Он недавно окончил семилетку.

Банкиры и министры грустно вздыхали:

— К сожалению, обстоятельства не позволяют...

За ним по пятам ходили сыщики: Морган не дремал, Крейгер послал еще одному депешу. Он подехал еще к одному банку. Он хотел жить. Но спичка, догорев, жгла пальцы.

Тогда он вошел в оружейный магазин. Он попросил револьвер самого большого калибра: он помнил, что он король. Он купил несколько ящиков патронов: это было привычкой, он все покупал оптом — государства, спички, совесть, смерть. Он потратил на себя одну пулю, остальные он оставил наследникам. Его хоронили с почетом. Журналисты оплакивали «невинную жертву мирового кризиса». Биржевики глотали бром. Шведский парламент объявил мораторий. Крейгер был объявлен национальным героем и мучеником. Вскоре выяснилось, что герой и мученик был фальшивомонетчиком.

«Невинную жертву» наспех переименовали в «короля жуликов». Журналисты выправили гранки; венки еще благоухали, но опытный нос журналистов уже угадывал другие запахи.

В сейфе Крейгера нашли поддельные облигации. На его столе стоял поддельный телефон. Когда Крейгер нажимал невидимую кнопку, телефон звонил: Крейгера вызывал Нью-Йорк или Лондон. На самом деле он никого не вызывал: телефон был игрушечным. Он блефовал перед наивными посетителями.

Почтенные господа, которым поручили ликвидировать трест Крейгера, обнаружили подделку случайно. Один из них нажал кнопку, и телефон позвонил. Почтенные господа перепугались: Ивар Крейгер звонит им с того света. Потом они поняли гениальность «короля жуликов» и они горько рассмеялись. Один из них в избытке недоверья вынул коробку спичек и зажег одну: он боялся, что и спичка поддельная. Спичка вспыхнула, потом сгорела.

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

Рис. А. Радакова

— Ты, что же, бабушка, дорогу-то не переходишь?
— А я, милый, подожду, пока рядом с милиционером спасательную станцию поставят.

НЕПРИМИРИМЫЙ АЛЬБЕРТ

На фронте Альберт К. никогда не был, до его розовых ушей не долетал даже орудийный выстрел. В годы военного коммунизма он ходил по московским улицам в жеребчатой куртке, хромовых сапожках, на ляжке в деревянной кобуре висел маузер. И всем своим видом Альберт производил такое впечатление, словно ни одна победа Красной армии не обходилась без его участия. Горе тому красноармейцу или политработнику, которые осмеливались просить Альберта довести их до следующей станции. Ему не было дела до того, что красноармеец, выписавшийся из госпиталя, спешит дognать свою часть, он не пробовал заглянуть и в мандат политработника.

— То-ва-рищ, — говорил Альберт, еле раздвигая пушковые губы, — ва-го-н особого назначения!

Никакие мольбы, никакие справки не помогали. Большие глаза Альберта с голубой поволокой оставались равнодушными. В вагоне «особого назначения» Альберт провозил все то, что делало его московскую квартиру таким уютным, таким симпатичным уголком, или, как выражалась супруга Альберта, «светлым маячком в океане бушующей стихии». В этом маячке можно было найти ветчину, икорку, маслице, балычок, вино... Альберт был гостеприимен. Он ушачал охотно и в то же время как-то небрежно, точно давал понять, что еда для такого революционера, как Аль-

берт, — это мелочь, а самое главное — другое, более значительное. Но что именно более значительное, так он никогда и не объяснил. По установившемуся обычаю (хотя в доме были и вилки и ножи) гости рвали руками ветчину, бросали окурки на пол, пили вино из блюдечек.

Гости Альберта не были случайными людьми, каждый из них мог чем-нибудь пригодиться хозяину. Даже шофер Фиалко (кстати, единственный из гостей, который не бросал окурков на пол и резал ветчину ножиком) был тут неспроста. Присутствием в своей квартире шофера Альберт подчеркивал свою связь с массами. Так же не случайно и присутствие искусствоведа, эстета Ш., у которого были кое-какие неполадки с эпохой, и в знак протеста этот эстет носил цилиндр, монокль, а вместо галстука — сиреневый дамский чулок. Альберту было лестно, что эстет Ш., который когда-то был вхож в салон Мережковского и Гиппиус, теперь запросто пьет у него водку, жрет икру. А когда эстет, обвиняя Альберта, кричал: «Альбертушка, а я и не знал, что и коммунисты любят искусство», — это была высшая похвала хозяину... В вопросах искусства Альберт считал себя непримиримо левым. Хотя сердцу Альберта были милей картины Айвазовского, которые он с детства привык видеть в кабинете отца, хотя стихи Надсона («Друг мой, брат мой»)

его чрезвычайно волновали, и где-то в глубине души своей он считал стихи эти архиреволюционными, но Альберт в этом никому не признавался, громко декламировал мало ему понятные стихи имажинистов, носил Пушкина и расхваливал картины, на которых были наклеены вырезки из газет, селедочные хвосты, окурки...

Нап Альберт встретил хмуро, недружелюбно. «Отступленьице, отступленьице... Будем поглядеть», — говорил он таинственно, угрсающе. Между тем, с напором только и начался настоящий расцвет Альберта. Он возглавлял какое-то хозяйственное учреждение. Мы говорим «какое-то» потому, что сам Альберт толком не знал, что он возглавлял. «Скуп-сбыт», — замечал он иронически. В учреждение он заглядывал редко. И в те редкие дни, когда Альберт заглядывал во вверенное ему учреждение, он всегда спешил, торопился. С подчиненными он обращался ласково, всячески подчеркивая, что (хотя я и твой начальник, но, вот видишь, дышу, разговариваю с тобой, угощаю папироской). Как правило, выслушав подчиненного, Альберт благодарил. «Спасибо», — цедил он сквозь зубы, не глядя на подчиненного. Иногда Альберт запирался в кабинете со своими ближайшими помощниками, но если помощники начинали говорить с ним о деле, то Альберт принимал это как оскорбление. «Ради бога, — говорил он, — еще когда-

нибудь, но не сейчас. Неужто вы думаете, что у меня одно только ваше учреждение...» Помощники замолчали, чувствовали себя неловко, когда Альберт вслед за этим упоминал о том, что вчера он до поздней ночи задержался у Гриши... Когда он говорил «Гриша», все догадывались, кто это такой...

Собственно говоря, чем был занят Альберт? В учреждении заставить его было невозможно. Партийных обязанностей он не знал. Даже взносы в парткасса он не сам вносил, а через секретаря. Почему же Альберт производил такое впечатление, что словно только он да Гриша да еще два-три человека в республике и работают, а остальные неизвестно что делают...

Возможно, к оппозиции Альберт не примкнул бы так горячо, если бы не одно маленькое обстоятельство. Альберту предложили покинуть возглавляемое им учреждение. Вот это-то обстоятельство окончательно убедило его, что революция в опасности, что в стране делается чорт знает что, что необходимо немедленно, срочно спасать завоевания Октября. Альберт сменил желтые штiblеты на сапоги, в глазах его появилась бесстрашие.

Вскоре Альберт вынужден был уехать в Омск. В вагоне Альберт и его спутники чувствовали себя веселыми школьниками, которые напроказили, а теперь героями едут на каникулы домой. В Омске Альберт пробыл очень недолго. Скоро подпись его появилась под письмом в редакцию, где он горько рассказывал в своих ошибках, клялся искупить свою вину и умолял принять его обратно в партию, без которой он жить не может...

Альберт сбрил бороду. В оленьих сапогах, оленьей куртке, в шапке с длинными ушами он приехал в Москву с новой, молодой женой. Первое время в Москве Альберт занимался тем, что непрерывно каялся. Он каялся в устной и письменной форме. Зная заранее, что его никогда и близко не допустят к партийной работе, он слезно просил послать его на низовую партию. Альберту удалось устроиться в промкооперации, но очень скоро выяснилось, что он бездарен, мало работоспособен, и его уволили. Альберт свое увольнение объяснял несколько иначе. «Нынче наш брат не в фаворе, — говорил он загадочно. — Ну что же, — добавлял Альберт угрожающе, — будем поглядеть». У Альберта оказались друзья. Они понимали Альберта так же, как Альберт их, с полуслова, с намека. Один из друзей предложил Альберту «заделаться очеркистом».

— Попробуй себя на литературном поприще. Чем ты рискуешь?

Этот же друг посоветовал Альберту прикрепиться к той ячейке, в которой он состоял сам.

— В нашей ячейке народу много... Собираемся редко. Я всех старых друзей тащу туда.

Альберт «заделался» истым очеркистом, и жилось ему неплохо. Его можно было видеть на премьерах в театре, на просмотре картин в Доме кино и на писательских юбилеях. Он все хвалил. И не просто хвалил, а неистово. Даже о заведомо плохих картинах и неудачных литературных произведениях Альберт говорил восторженно... И только дома, в кругу своих друзей, он бывал откровенен.

— Ну, что «Чапаев», говорил он, — средняя картинка.

Не было партийного собрания, на котором бы Альберт не выступил. Его короткие бессвязные речи всегда дышали «непримиримостью». Он призывал к бдительности и вопил о том, что «двурушников надо прибрать к рукам»... А дома, в кругу своих друзей, Альберт вздыхал: «Что ж поделаешь... Приходится... Там будем посмотреть», — добавлял он таинственно.

На днях я прочел в газете, что Альберта К. исключили из партии за двурушничество. Рассказывали, что Альберт защи-

щался яростно. Он, главным образом, требовал, чтобы ему предъявили улики, за что его, Альберта, исключают из партии. «От оппозиции я отошел давным-давно? Давным-давно, — и Альберт загнул палец — На собраниях я выступаю? Выступаю (загнув второй палец). Решения партии выполняю? Выполняю (загнув третий

палец). Ни в чем предосудительном не замешан? Не замешан (загнув четвертый палец)». Он загнул пятый, шестой, седьмой, восьмой... И когда нехватило пальцев, Альберт вдруг почувствовал, что что-то оборвалось, что все бесполезно. Он замолк и сел.

Б. ЛЕВИН

В ТОМ САДУ, ГДЕ МЫ С ВАМИ ВСТРЕТИЛИСЬ

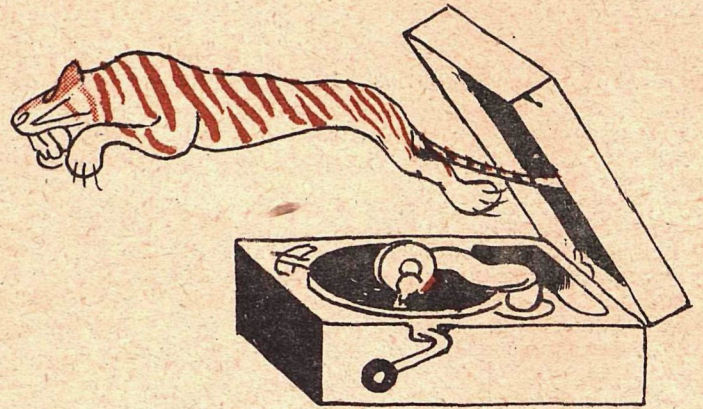
Рис. Б. Малаховского

— Почему ты уходишь из сада?

— Я сейчас вернусь. Дай только глотнуть чистого воздуха.

БЫЛИНА О ПАТЕФОНЕ

С победою полной вышел к весне
Колхоз «Большевикское знамя»,
Сверххранний сев закончен вполне,
Колхоз богат трудовыми,
Но хуже дела в колхозах кругом.
Чтоб выделить «Знамя», — решает рай-
ком, —

На зависть колхозам оним,
Его наградить патефоном.
В Москву посылают немедля заказ,
И без околичностей ящик
На радость широких колхозных масс
Приходит заветный ящик.
И тотчас взволнованным избачом
Вскрывается чудный подарок, при чем
В виду стопроцентной явки
Не обошлось без давки.
— Товарищи! Прежде был патефон
Игрушкою барских гостиных,
Теперь послужит трудящимся он
(Никитка, не трогай пластинок).
И значит его завести пора
(А ну осади-ка назад, детвора)
При помощи этой вот штучки,
Носящей название ручки.
И вот начинает вращение диск,
И, честный колхоз огорошив,
Из недр патефона доносится визг
Трехсот девятнадцати кошек.
Пластинку меняют, и слышится рев
Гонимого тиграми стада коров.
И шкуру сдирают с кого-то
(Повидимому, с бегемота).
И ясно крестьянам: дурак или враг
Направил в колхоз стопроцентнейший
брак.

И не виноваты артисты:
Намеренья их были чисты.

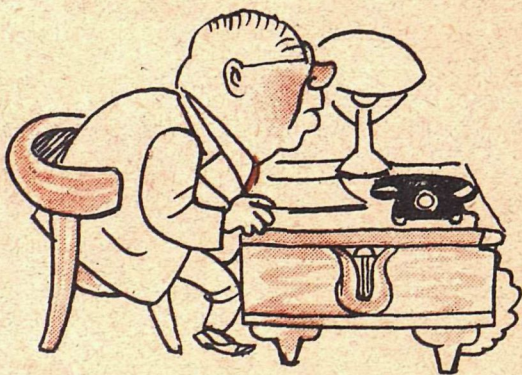
Уже запаковывается патефон,
И в «Правду» строчится заметка,
Но слово берет себе дед Агафон
(Весьма выступающий редко!).
— Его отослать, — говорит борода, —
Я так понимаю, успеем всегда.
А надо, я так понимаю,
Послать его «Первому маю».
Изрек и замолк хитроумный стратег.
Короткие бурные прения,
И план, гениальный в своей простоте,
Приводится в исполнение.
И «Первое мая» (отсталый колхоз)
Соседскою ласкою тронут до слез,
И «музыку» радостно крайне
Заводят на общем собрании.
И вот начинает вращение диск,
И, слушателей огорошив,
Из недр патефона доносится визг
Трехсот девятнадцати кошек.
Пластинку меняют, и слышится рев
Гонимого тиграми стада коров.
И шкуру сдирают с кого-то.
(Повидимому, с бегемота).
В глазах у колхозников ужас и стыд.
И в полном молчании собрание сидит.
И вдруг Парамонова Клава
Обрушивается, как лава:
— Ребята! Недаром нам этот позор
Наносит колхоз-ударник.
В каком состоянии наш скотный двор?
Какой у нас, к чорту, свинарник?
Но мы доказать непременно должны,
Что можем работать на пользу страны,
Что мы не кулацкие гады.
Записывайся в бригады!
— Клянемся!! — И каждый ударником
стал —

От конюхов до доярок.
И, с честью закончив текущий квартал,
Хотят возвратить подарок.
Но кто-то смекнул: «Коммунарковский»
спит!

Пушай же у них эта штука шипит
И уши терзает, покуда
Прорыва не сменит победа.
И вот в «Коммунарковском» крутится
диск

И, слушателей огорошив,
Из недр патефона доносится визг
Трехсот девятнадцати кошек.
Пластинку меняют, и слышится рев
Гонимого тиграми стада коров.
И шкуру сдирают с кого-то.
(Повидимому, с бегемота).
Колхоз устыдился, сознательным стал,
И, с честью закончив ударный квартал,
«Струмент» посылает сердито
Колхозу имени Шмидта.
И наш патефон... Но, конечно, меня
Читатели поняли сами.
В районе боятся его, как огня.
Он вроде — рогожное знамя,
И вот наступает желанный момент,
Когда возвращают в Москву инструмент
И с коллективной запиской:
«Грамфабрика! Вот наша ясная речь:
Из этого патефона
Сумел социальную пользу извлечь
Практический ум Агафона.
Спасибо на том. Но уже не секрет:
Отсталых колхозов в районе нет.
Подумай о мерах пожарных
По части снабжений ударных».

Ник. АДУЕВ

ЗАЯВКИ НА ГЛУПОСТЬ

Несколько месяцев назад на имя директора Орловского педагогического института была получена телеграмма следующего содержания:

«Объявленному вами газете конкурсу разрешите приехать счет института для личных переговоров заведыванию кафедрой политэкономии. Бывший слушатель ИКП экономист имею звание профессора восемь лет стаж работы вузах четыре благодарности премии почетную грамоту прежних работ институтах. Отдыхаю подмосковном санатории ученых. Ответ телеграфьте адресу Москва Главпочтамт до востребования профессор Саясов».

Никто не обратил внимания на то, казалось бы, непонятное обстоятельство, что почтенный профессор, хотя, как и подобает почтенному профессору, отдыхает в подмосковном санатории ученых, тем не менее просит телеграфировать ему в Москву до востребования.

Профессору была дана срочная телеграмма: ждем вас, светило науки, с нетерпением и распростертыми объятиями.

И вот, наконец, наступает знаменательная и неповторимая дата в истории Орловского педагогического института. Один из утренних поездов, идущих из Москвы, привез в Орел профессора Степана Николаевича Саясова.

Горячая встреча. Крепкие рукопожатия. Обворожительные улыбки.

Новопривыкший профессор небрежным жестом кидает на стол свои бумаги — анкеты, справки, документы.

Но кто будет читать эти бумажки? Кто будет вникать в их сущность?

Разве не видать по лицу, по длинным волосам, по походке, что это настоящий профессор, что это профессор с ног до головы?

Но если бы мы были менее ленивы и более любопытны, то почти во всех документах Саясова наткнулись бы на некоторые, мягко выражаясь, странности.

Конечно, «отец — рабочий, мать — крестьянка». Родился в 1895 году. А поступил в учительскую семинарию в 1907 году. Неужели двенадцатилетних парнишек принимали в учительскую семинарию?

А в шестнадцать лет этот вундеркинд был уже народным учителем.

Дальше из анкеты мы узнаем, что Саясов с 1912 до 1916 года учился в университете.

Но тут же в другом документе сказано другое:

«Окончил учительскую семинарию и учился два с половиной года в университете».

Кроме того, во втором документе имеется еще такое откровение:

«Вступил в партию в 1912 году. Принимал участие в марксистском кружке. Бросил бомбу в Киеве и был приговорен к двухгодичному тюремному заключению. Просидел полтора года с 1913 по 1915 год...»

Сказано, как видите, довольно глухо и деликатно. «Бросил бомбу в Киеве».

В кого? Почему? Куда бросил? Как хотите, так и думайте. И, вообще, почему это вдруг участник марксистского кружка швыряется бомбами? На все это ответа не дано.

Внимательный читатель этих документов может еще споткнуться о следующее непонятное обстоятельство. В анкете сказано: 1912—1916 гг. университет. О тюрьме — ни слова. А в цитируемом нами документе: с 1913 по 1915 — тюрьма.

Но пойдем дальше.

Каким образом Саясов стал профессором?

В канцелярию Орловского педагогического института он представил по этому вопросу две бумажки. Не оригиналы, а копии с копий, заверенные... административно-хозяйственным отделом Наркомзема СССР.

Одна бумажка — выписка из постановления заседания учебно-методического совета и дирекции Казанского ветзооинститута:

«Слушали: Заявление доцента и зав. кафедрой экономики с. х. С. Н. Саясова с просьбой о предоставлении его кандидатуры к утверждению в звании профессора, как имеющего 11 научных работ, быв. слушателя института Красной профессуры, экономического отделения.

Постановили: Просить ГУС об утверждении представленной кандидатуры. Материалы: отзывы о работе тов. Саясова, оттиски его научных работ, ходатайство студенческой организации института и проч.

Вторая бумажка — тоже копия с копии — протокольное постановление ГУС:

— Утвердить.

Но так как всех этих бумажек никто в Орле не читал, то Саясов на завтра же после приезда получил подъемных три тысячи рублей и начал читать лекции.

Молод он с кафедры такую безграмотную чушь, что студенты вскоре насторожились.

ОДИН ЭКЗЕМПЛЯР

Рис. А. Топикова

— А сколько у вас в селе неграмотных?
— Сейчас только один: приехал из города и пишет репертуар для нашего колхозного клуба.

Короче говоря, когда его арестовали, он на допросе сознался.
— Да, авантюрист. Все мои документы — сплошная липа.

Но погодите ставить точку. Дальше начинается самое любопытное. Именно то, что побудило нас поставить над фельетоном заголовок «Заявки на глупость».

В одной из московских газет была напечатана заметка о проделках Саясова в Орле и о том, что он разоблачен.

Теперь из многих городов поступают в Орел бумажки, смысл которых приблизительно таков:

— Не одни вы сделали глупость. Мы тоже. Внесите нас в список одуряченных.

Он был зачислен профессором в Херсоне, в сельскохозяйственном институте. Взял 8 тысяч рублей.

В Турклинском с.-х. институте — 7.000 рублей.

В Свердловском инженерно-педагогическом институте — 3.000 рублей.

В Тамбовском педагогическом институте — 1.200 рублей.

Этот список еще далеко не полон.

Заявки на глупость продолжают поступать.

На глупость? А, может быть, на большее, чем простая глупость?

Г. РЫКЛИН

Б У К В А „М“

Малиновое „М“ —
 мое метро, метро Москвы.
 Май, музыка, много
 молодых москвичек,
 метростроителей,
 мечутся, мнутся: — Мало местов?
 — Милые, масса места,
 мягко, мух мало!
 — Можете! — Мерси...
 Мрамор, морской малахит,
 молочная мозаика — мечта!
 Михаил Максимыч молвит
 механику:
 — Магарыч! Магарыч!

Мотнулся мизинец манометра.
 Минута молчания.
 Метро мощно мычит
 мотором.
 Мелькает, мелькает, мелькает
 магнием, метеорами, молнией.
 Мать моя, мамочка!
 Мурлычет мотор — могучая
 музыка машины.
 Моховая!
 Митя моргнул мечтательной
 Марусе:
 — Марь Михална, метро
 мы мастерили!

— Молодцы, мастерски!
 Мелькает, мелькает, мелькает...
 Махонький мальчик маму
 молит:
 — Мама ма, можно мне ма...?
 Минута молчания...
 Мучаюсь. Мысли мну.
 Мух нехватает на букву эту!
 (Музыка... муха...
 мечта... между тем...).
 Мелочи механизма!
 Внимание поэту —
 я заставлю
 слова

начинаться
 на букву „М“
 МЕТИ МОЕЗД МЕТРО
 МОД МОСТИНИЦЕЙ
 МОССОВЕТА
 МИМО МОЗДВИЖЕНКИ
 К МОГОЛЕВСКОМУ
 МУЛЬВАРУ!
 МОЖАЛУЙСТА!
 СЕМЕН НИРСАНОВ
 1935 г.

ЖУТКИЙ СЛУЧАЙ

Рис. М. Храпковского

— Что там за шум?
 — Хулигана поймали. Увлек девушку в летний сад и заставил ее просмотреть всю эстрадную программу!

Рис. Л. Соффертиса

ПРИХОД ГОСТЯ В ГОСТИ

Я только что прочел роман Генриха Манна «Верноподданный» — Государственное издательство художественной литературы, 1934 год, перевод А. Полоцкой.

Очень хорошая книга и неплохой перевод.

Но в этой книге имеется одна черта, выделяющая ее из ряда других изданий: многочисленные примечания-сноски, которые должны объяснить читателю слова, по мнению редакции, для него непонятны.

Несколько примеров:

В тексте: «иронические замечания». В сноске: «иронические — насмешливые».

В тексте: «признал свое авторство». В сноске: «признал, что сам писал».

В тексте: «катастрофа». В сноске: «крушение».

«Сюрприз» — «В данном случае неожиданность».

«Нереальное» — «Несуществующее».

«Парламентаризм» — «Буржуазный способ управления при помощи выборного законодательного собрания».

«Профиль» — «Вид предмета сбоку».

«Ориентировалась» — «В данном случае освоилась».

«Теплый компресс» — «Теплая припарка».

«Коллекция» — «Собрание однородных предметов».

«Не реагировал» — «В данном случае отнесся безучастно».

«Авантюрист» — «Искатель приключений».

«Юмористически» — «Шутливо».

«Трюк» — «В данном случае хитроумная проделка».

«Этот маневр» — «В данном случае ата выходка».

«Визит» — «Приход гостя в гости».

«Фамильярно» — «В данном случае, без всякого стеснения».

«В атмосфере родственно настроенных умов» — «Т.-е. среди людей одинакового уронастроения».

И т. д., и т. д., и т. д.— добрая пара сотен подобных же объяснений «малопонятного».

Что это? Уверенность в абсолютной безграмотности читателя или «фамильярный трюк в атмосфере родственно настроенных умов».

Г. ПЕТРОВ

— Опять судак? Дайте заведующего!
 — Заведующий сегодня выходной. А зачем он вам нужен?
 — Я хотел у него спросить, когда же будет выходной день у судака?

СЛЕГКА О СРЕДНЕВЕКОВЬИ

Владельческий курфюрст Бранденбургский украл у гамбургского гражданина Фрица Кагенбока старшего сына Якоба и скормил его собакам.

Несколько позже два заезжих барона отравили младшую дочь Кагенбока — Клару по причине ее миловидности и нежелания выйти замуж сразу за обоих претендентов.

— Ну и домик у нас, — грустно заметила по этому поводу жена Кагенбока старая Марта. — Не долго проживешь при таких семейных обстоятельствах...

В этом деловом чисто материнском заявлении городские власти усмотрели недостаток жизнерадостности, и Марте отрубили голову на городской площади.

Для того чтобы отнять у Кагенбока имущество, Марта была поупуно объявлена ведьмой.

— Чего тебе даром ходить без семьи и без штанов? — откликнулся на горе старого Кагенбока начальник городской охраны. — Дай-ка я тебя посажу в тюрьму. И тебе спокойнее и нам удобнее.

Через четыре года Фрица Кагенбока похоронили на девятой аллее гамбургского кладбища в могиле № 17.

Это было в 1335 году.

И как это ни странно и ни противоречиво некоторым указаниям науки, в начале 1935 года Фриц Кагенбок воскрес.

Он аккуратно выловил заползших за воротник могильных червей, стряхнул с одежды комья земли и пошел закусить в соседнюю пивную.

— Ну, что слышно? — благодушно спросил он у кельнера после второй кружки. — О чем поговаривают?

— О разном, — вежливо ответил кельнер, опасливо покосившись куда-то в сторону. — Жить, слава богу, хорошо. На днях в Берлине фрау Бените фон-Фальпенгейм и фрау Ренате фон-Натцнер головы отрубили. Изволили читать в газетах?

— Не изволили. Значит, рубят еще головы?

— Мерси. Рубят-с.

— Так, — задумчиво вздохнул Фриц Кагенбок, — может, и травят еще?

— Заманки не чувствуется. «Дейчланд, Дейчланд юбер аллес», как это говорится. В Англии журналистку одну отравили. Не то перо. Писала, что не полагается. В два счета исправили, даже доктор добежать не успел.

— Здорово, — еще раз вздохнул Кагенбок, — на месте, значит? Хорошо еще, что без увоза.

— Увозы тоже наблюдаются, — деловито поправил кельнер. — Не без увоза живем. Недавно одного журналиста скрали.

— Как его звали-то?

— Да уж теперь, как говорится, Митькой звали. Где же его теперь найдешь.

— Тоже не то перо?

— Именно-с. Вот его и заставили скончаться на дискуссионной почве.

— А насчет ведьм у вас как теперь — тихо?

— На ведьмьячем фронте без перемен, — подумав, ответил кельнер, — потому как многие ученые и писатели в ведьмы зачислены. На предмет изгнания из пределов.

— Ну, и как?

— Мерси-с. Которые почище, — давно уже переехали. Может, улыбнетесь, господия?

— А зачем мне улыбаться? — сурово спросил Кагенбок.

— На предмет сочувствия, — тихо шепнул кельнер, — тут посторонние были-с. Не мне, а вам же в лагере сидеть придется... Прикажете еще кружечку?

Старый Фриц Кагенбок стукнул кулаком по столу и хрипло сказал:

— А ну вас к чортовой бабушке с вашим средневековьем! Нашли дурака воскресать!

И, выйдя из пивной, крикнул:

— Такси! На городское кладбище! Девятая аллея, могила № 17. Гони скорее, на чай получишь!

А. ПОЛУЗАЙЦЕВ

- Тише, дети: папа изучает историю болезни!
 — Своей?
 — Нет, одного сослуживца. Он хочет с ним обменяться путевками.

МУЖЧИНА НА АЛИМЕНТАХ

В истории короля Лира нет случая с ездой на велосипеде за водкой. Не мотался престарелый король из города в город с исполнительным листом, чтобы вырвать шестьсот рублей.

Страдания у него были возвышенные, специально для культурных центров, — так сказать в суперобложке и с золотым тиснением. Поэтому и считается вполне естественным и даже говорящим о тонкости натуры сидеть в театре на приставном стуле и огорчаться судьбой популярного старика-неудачника.

Другое дело — А. П. Гулин. Живой, а не выдуманный Шекспиром, рядовой работник транспорта и перенесший такую борьбу страстей, перед которой бледнеют замыслы любого соавтора. Им вряд ли заинтересуется читатель и, может быть, с укоризной даже спросит нас: «Зачем вы суете нам жизнь и приключения рядовых транспортников, еще не вошедших в историю?»

Но мы воспользуемся своим правом посылать в набор любую трогательную историю и все-таки расскажем об А. П. Гулине.

Упомянутая немного выше борьба страстей началась с того, что к телеграфисту

Куликову приехал в гости его знакомый Авдеев и в красивых выражениях потребовал водки.

Куликов подчинился этой популярной формуле культурного общения и пошел за водкой. По дороге он зашел к жене А. П. Гулина и попросил у нее велосипед.

— Я человек интеллигентный, — сказал он, — я пешком за водкой ходить не люблю. Дайте мне велосипед, раз до кооператива 5 километров, а ваш супруг в отъезде.

Жена Гулина до этого времени верила в людей. Она была оптимисткой. Она дала велосипед. Телеграфист Куликов вывел из дома велосипед, убедился, что у этой неустойчивой машины всего два колеса, неверная точка опоры, и решил, что лучше пусть едет за водкой сам Авдеев.

Тот сел на велосипед и поехал в кооператив за пять километров.

Вернулся он оттуда в скверном настроении, с запасом спиртных изделий и даже с чем-то соленым, но без велосипеда.

— Свиснули, — деловито пояснил он. — Такая уж у нас гиблая местность. На чем ни приедешь, — сопрут. Прямо хоть на пароходе за водкой ездят.

В июле месяце 1934 года, когда произошла завязка этого события, на станции

Привольск было сказано много нехороших слов. Особенно горячился вернувшийся А. П. Гулин, который был решительно против того, чтобы его жена разбрасывалась семейными велосипедами.

Но Авдеев оказался почти джентльменом.

— Через меня украли, я и обязан. Уплачу сколько вам следует за ваш паршивый велосипед.

После таких ответственных слов Авдеев допил на другой день с Куликовым остатки померанцевой и выбыл в неизвестном направлении.

А. П. Гулин целых два месяца верил в джентльменское слово самоотверженного Авдеева, но на всякий случай, в виде страховки, подал на него жалобу в Карабулакский нарсуд.

Теперь события начинают разворачиваться с болезненной медлительностью, но в более увлекательных формах.

Карабулакский нарсуд дела не рассматривает.

Гулин едет к прокурору в г. Вольск.

— Дело в том, — задумчиво сказал прокурор, — что это очень тонкое дело. Допустим, что велосипед ваш. Согласимся,

что на нем ехал Авдеев. Но все это запутывает ясную нить событий. Остановимся на том неоспоримом факте, что ваша жена дала велосипед Куликову. С него и требуйте.

Вольский нарсуд так и постановляет: означенный Куликов должен выплатить 600 рублей означенному А. П. Гулину за означенный велосипед.

— Я человек тихий, но шестьсот рублей я платить не люблю, — возмутился Куликов, — я на велосипеде за водкой не ездил, я теперь вообще не пьющий, я велосипед под нос вора не тыкал, пусть платит Авдеев.

Саратовский крайсуд, — а дело уже перешло на 1935 год, — согласился с доводами тихого и непьющего Куликова. Дело вернули в вольский нарсуд, каковой и постановил: означенный Авдеев должен уплатить означенному А. П. Гулину означенные шестьсот рублей.

В руках у А. П. Гулина зашелестел желанный исполнительный лист. Но в исполнительном листе была одна неприятная деталь: он был вольский. А вольский лист оказался недействительным для Авдеева, который переехал в Саратов.

А. П. Гулин достает саратовский лист, который оказывается тоже недействительным, потому что Авдеев живет не в самом Саратове.

Но А. П. Гулин не дремал, — как пишут опытные романисты. Он обратился к саратовской крайпрокуратуре.

И полтора года гулинских поисков правды и велосипеда увенчались совершенно небывалым в истории человеческих взаимоотношений успехом. С перемежающимися чувствами радости и тихого отчаяния он прочел бумагу, присланную ему крайпрокуратурой:

Прокурору Р-У ж. д. Любимову.
Копия — гражданке Гулиной.
Направляется вам жалоба с исполнительным

листом гр-ки Гулиной о неполучении алиментов с гр-на Авдеева, работающего на товарной станции Саратова диспетчером.
Просим понудить его аккуратно высылать деньги гр-ке Гулиной.
Пом. крайпрокурора Зеткина.

Бывший А. П. Гулин, а ныне гражданка Гулина, сел на стул и беззвучно схватился за голову.

— Мерси, — грустно сказал он, — дожил А. П. до алиментов с Авдеева... Довели меня до добра эти велосипеды...

И ничем мы не можем утешить А. П. Гулина. Пусть временно проживает этот скромный труженик транспорта на женском положении впредь до компенсации его алиментами за велосипед. Пусть.

А насчет короля Лира мы правильно сказали вначале, что жалко популярного старика-неудачника. А неизвестного А. П. Гулина, мужчину среднего возраста, живущего на алименты, не жалко?

Арк. БУХОВ

ЗАПОЗДАВШИЙ РЕЦЕПТ

Рис. Л. Бродаты

БЕРЛИНСКИЙ ВРАЧ: — Имейте в виду, что больному надо поменьше работать и соблюдать строжайшую диету.

— Это не трудно, доктор, он и так второй месяц голодает как безработный.

ЗА ЗА УЛУЧШЕНИЕ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА МАХОТКИНСКОГО РАЙОНА

С легким укором посвящаем эту пародию некоторым из районных газет — ко дню печати

ПИРИДОВАЯ

Остатки международных отношений за последнюю декаду грозят грозными тучами. Чали подняли голову над Боливией. Наш район не может быть глух к этой ситуации¹. Но у нас есть и другие конкретные² задачи. Кампания по перевоспитанию человека еще не закончилась. За прошлый отчетный месяц выездная бригада редакции «За за улучшение» перевоспитала в районе 0,37% перевоспитанных по прошлым отчетным месяцам. Под руководством т. Тюнина, ответственного редактора нашей газеты, бы-

ло проведено семнадцать докладов в избечитальне с. Большие Махотки в течение трех дней! Там же выездная бригада организовала цифровой хор для сельских вечеринок. Активисты-цифровики кинуты по всему району в течение трех дней! Тоз. Тюнин собственноручно прочел 9,2 доклада в районном загсе на тему «Женатость как явление». В течение трех дней! Надо полагать, что кампанию по перевоспитанию человека в нашем районе мы закончим не позже полутора декад. Объявим войну перевоспитанным! Общерайонный съезд перевоспитанных состоится в июле. После съезда — танцы.

¹ Ситуация — неперевожимая игра слов с иностранного. Плохое положение.

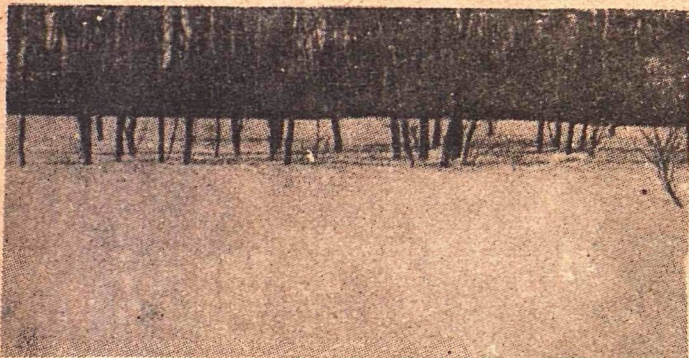
² То же.

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ

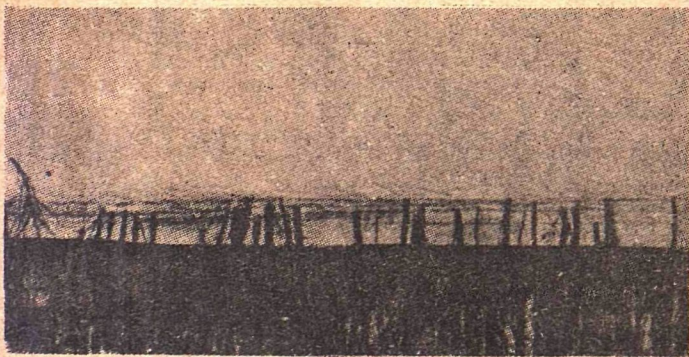
КАМЕНЬ ВЫПАЛ ИЗ РУК

АМСТЕРДАМ (Индия), 2/1 (ТАСС). Вследствие спекуляций на бриллиантовой бирже сильно упали цены на меха, платину и другие драгоценные камни.

От ред. Обращаем внимание читателей на безвыходное положение скандинавских ювелиров.

Небывалый разлив реки Литайки. На нашем фото река еще в зимнем положении.

Семья т. Лубякина, лучшего гармониста с. Новые Пригорки, выходит в кооператив.

НА ФРОНТЕ ИСКУССТВА

КАЛУГА, 3/IX (задержалась в пути). С большим успехом прошла новинка сезона — драма в стихах «Чужой ребенок» (соб. информ.).

Тов. П. С. Тюнин. К организации хора цифровиков-активистов в с. Большие Махотки.

ПОПРАВКИ

В № 37 «За за улучшение» в заметке «Доярка в хибарке» неправильно освещен факт. Не доярка Анна Васильевна спасла корову во время пожара, а совхозный бухгалтер гр. Сакин загнал в негрезвом виде лошадь «Муньку».

**

В том же номере, в передовой статье «Все за ремонт бань» вместо слов «Пленум Лиги наций» следует читать «агроном тов. Ковровых».

**

Во вчерашнем номере репутаны строчки, в частушках т. Вицга-Крутилы. Напечатано: «Я гуляла с Елистратом, Оказался — Никодим». Следует читать: «Я гуляла с Никодимом, Оказался — Елистрат». Заведующему подпиской объявлен выговор.

ОТВЕТЫ ЧИТАТЕЛЯМ

В. Б—ву. Тараканов лучше всего морить ядом. От яда они обычно умирают. Столица Лиссабона — Мадрид.

А. С—ой. По поводу оскорбления вашего теленка как незаконно с'евшего чужую шелуху редакция «За за улучшение» высылает бригаду, которая на месте ознакомится с происшествием.

Л. Д. Корьтину. Если вас тянет к художественной современной литературе, попробуйте прочитать «Бруски» Панферова, «Пильняк» — роман И. Вабеля, «Цусиму» — стихи Леонова и «Капитанскую дочку» Мольера.

СПЯТ!

В некоторых местах нашего района замечено, что лодыри спят.

— Спишь?!
— Сплю.

Ураган в Сан-Франциско.

Кино „ФУРОР“ „УКАМИНА“

заграничный боевик-комедия с уч. В. Холодной

НОВИНКА!

Трио баянистов — сестры Лапкины!

Вход по билетам

З Р К „Мухтованский гребец“

извещает, что

получены спички, валенки, бракованная посуда и другой ассортимент летних товаров.

ПРОПАЛИ: круглая печать газеты „За за улучшение“, письменный стол и подвода. Считать недействительными.

ПОШИВОЧНАЯ АРТЕЛЬ „ПОРТНОЕ“

закрывается на переучет пайщиков.

ЛИЦ, ИМЕЮЩИХ ПРИТЕНЗИИ, ПРОСЯТ ОБРАЩАТЬСЯ В БРИТЬЕВУЮ АРТЕЛЬ „НАШЕ МЫЛО“

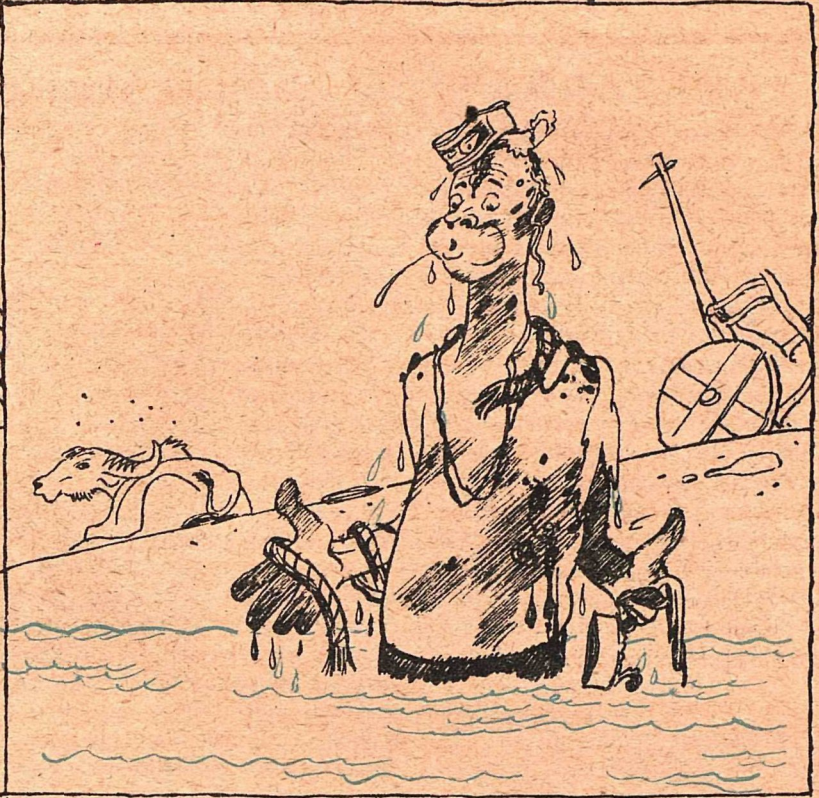
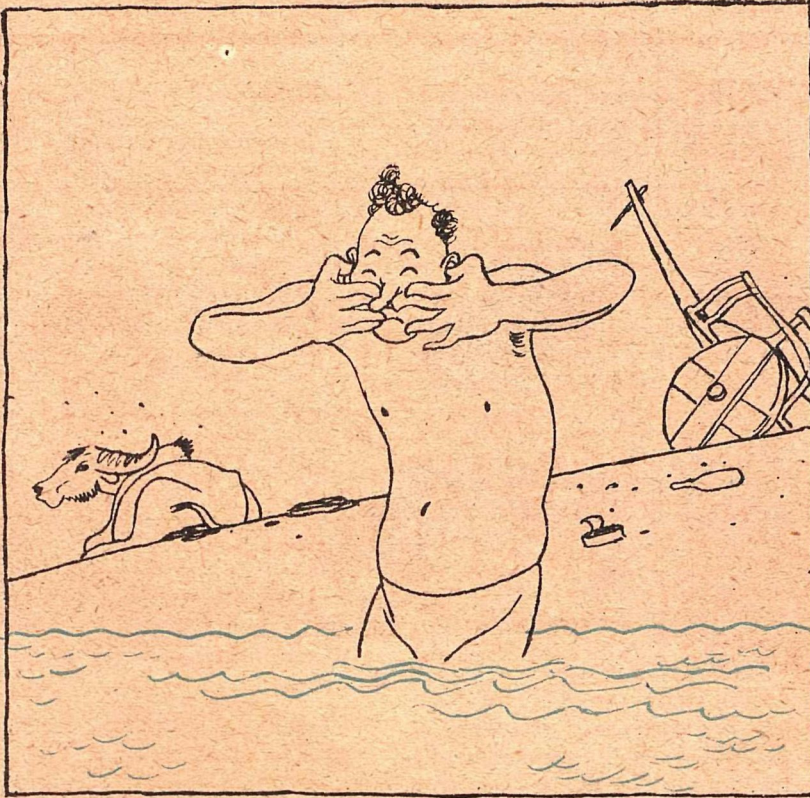
Необходимы справки с мест службы. Невыполненные заказы на покраску мебели аннулируются.

Ответственный редактор И. С. ТЮНИН.

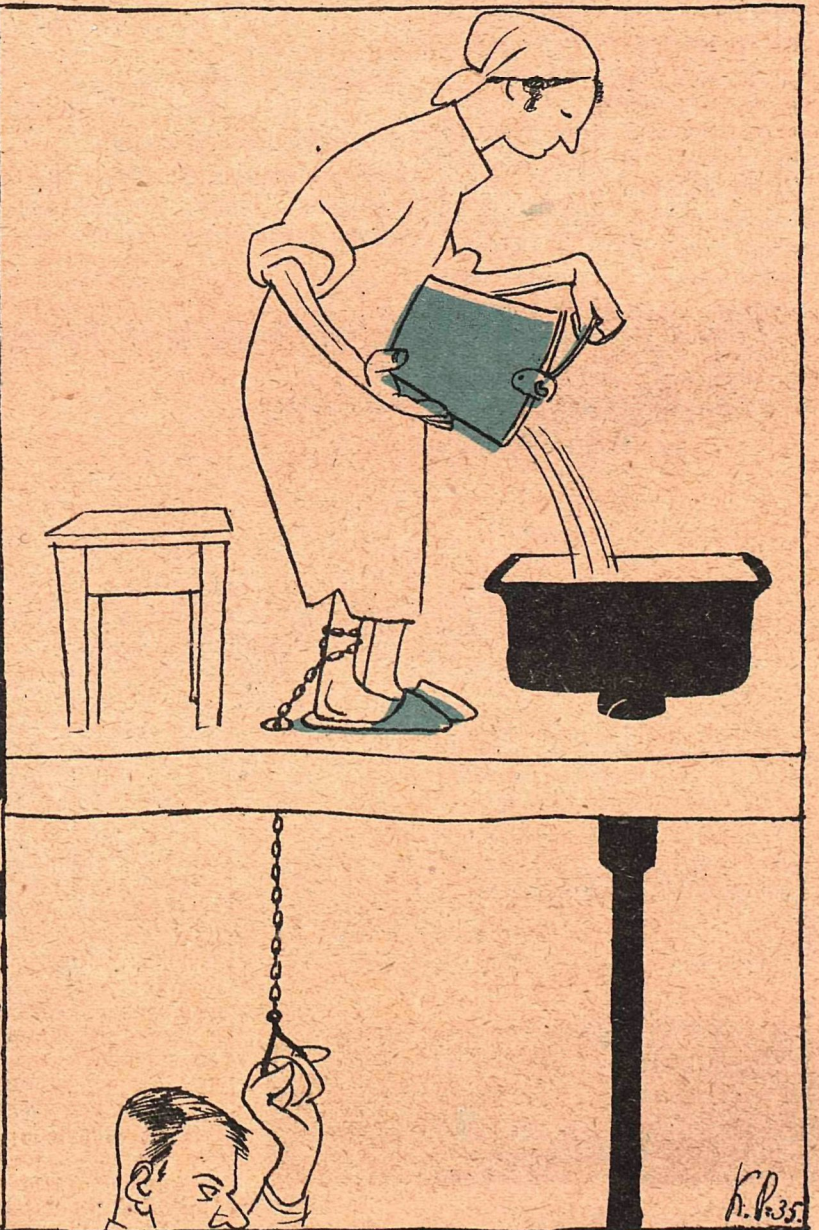
СИЛА—ВНУТРИ НАС

Рис. К. Ротова

Речь идет об отсталых домах отдыха. И о том, как слепой инстинкт рядового отдыхающего доводит его до общественно-полезных поступков. Вот вы идете купаться и у вас есть застарелая привычка нырять. И купаетесь вы, конечно, в речке, куда три предыдущих поколения сбрасывали все огрызки, обломки и другие предметы роскоши. И вот вы нырнете, не отдавая себе отчета в своем поступке.

И что же: вынырнув, вы сразу чувствуете себя активистом — сборщиком утиля. И с этой радостной мыслью вы идете в ближайший утильпункт и сдаете все, вплоть до последней консервной банки. И вас хвалят, и все говорят: ах, какой красивый поступок! А вы идете на лесную опушку и снимаете с себя грязь мелкой щепкой.

Или, например, вы захотели принять лунную ванну. А электричество в ванной комнате не действует. Монтер уехал в город к племяннице. Или просто запил. И в ванну не течет вода. Не совсем, а только второй месяц. Тогда вы дожидаетесь лунной ночи, садитесь в ванну и говорите: ах, как жаль! И это освежающе действует на ваше здоровье.

С уборной легче. Тут может помочь и себе и окружающим любой трудящийся, прибегнув всего лишь к изобретательскому дорыву. Не идет вода — не надо, не одной водой жив человек. Вы намечаете одну свободную гражданку из обслуживающего персонала, ставите ее в верхнем этаже, надеваете ей на ногу тонкую цепочку, — остальное рельефно видно по прилагаемому здесь рисунку. Таким образом и в отсталом доме отдыха можно легко и приятно провести время.

К.Р.35

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

На-днях мы, экскурсанты, организованные ОПТЭ, хотели посетить и осмотреть в Воронеже единственную фабрику-кухню. Дело кончилось тем, что мы по старой русской половице «Поцеловали пробой и пошли домой». Нас не пустил осматривать фабрику-кухню некий местный громовержец Казаченко на том основании, что у нас не было с собой собственных халатов. Мы предполагаем осмотреть в Воронеже еще несколько предприятий и организаций. Неужели же нам придется водить с собой собственную пошивочную мастерскую?

**Ф. МИНАКОВ,
К. ДАНИЛОВА**

Воронеж.

Милый Крокодил!

Мне потребовалось несколько книг по своей специальности. Я выписал их через московскую «Книгу — почтой» и немедленно получил 10 экземпляров брошюры «Новый метод посола рыбы». Я никогда не солил рыбу, я не умею солить рыбу и не собираюсь. И потом: почему сразу 10 экземпляров? Если среди твоих подписчиков есть желающие ознакомиться с новым методом посола, могу поделиться своей новой библиотекой.

Народный следователь по Кикнурскому району
Я. ЭППЕЛЬ.

Дорогой Крокодил!

У нас в Астрахани, в клубе «Строитель» за последний месяц было 13 танцевальных вечеров. Теперь мы понимаем, что такое «танцы до упаду». Всякая культработа упала. Вы у себя в столице так успешно боретесь со всякими эпидемиями. Научи нас, как бороться с танцевальной эпидемией на периферии. Или это болезнь совершенно безнадежная?

П. АРТУРОВ

Астрахань.

Дорогой Крокодил!

Научи меня, как воспользоваться борным вазелином «Харжет», который продается в нераскрывающейся баночке производства «Металлоштамп № 2». Четвертый день стучу по ней молотком, — ни-

чего не выходит. Будет ли это хулиганством, если я положу банку на трамвайные рельсы исключительно с целью быстрой раскупорки?

М. АКАРИН.

Ленинград.

Дорогой Крокодил!

Я подписался на сочинения М. Горького, но мне, как водится, недослали один том. Пишу об этом в Москву, в сектор подписных изданий Коги-за. Каково же мое удивление, когда мне присылают ответ из города Горького, чтобы я написал об этом в Москву! Оказывается, что, увидев в моем письме упоминание о Горьком, московский Когиэ решил, что это город, а не писатель, и переслал письмо дальше. Мне еще не дослали 2-й том немецко-русского словаря, но я уже боюсь напоминать. А вдруг, увидев слово «немецкий», мою жалобу перешлют непосредственно в Германию?

И. КУЗЬМИН.

Б. Лепатиха,
Днепропетр. обл.

Дорогой Крокодил!

На Покровский рудник (Северный Урал) приезжала бригада Института редких ме-

таллов. Отсюда бригада выслала в Москву, в институт, посылку с образцами руд. Посылка благополучно дошла до Москвы. Вид у нее был тихий и спокойный. Но в Москве она почему-то испугала Московский почтамт и вдруг неожиданно возвращается обратно на рудник (за 2 000 километров) с пометкой: «Возвращается из-за неправильной упаковки».

Директор института редких металлов **В. НОРКИН.**

Дорогой Крокодил!

Почему большинство людей может спать сколько положено нормальному человеку, а мы обречены на вечное недосыпание? Нам приходится ежедневно вскакивать в 3—4 часа утра и бежать в очередь за хлебом. Не подумай, что торговля начинается так рано. Ларьки и палатки открываются в 8, 10, а иногда и в 12 часов дня. Но если не занять очереди на рассвете, рискуешь вовсе остаться без хлеба. Горт ссылается на Хлебокомбинат, который, якобы, недо выпекает хлеб, а Хлебокомбинат — на Горт, который, якобы, недо вы-

возит хлеб. Нам же от этого не легче. Мы предпочитаем, чтобы недосыпали работники Горты и Хлебокомбината, употребив как можно больше времени на тщательное усвоение постановлений о своевременном и бесперебойном снабжении населения хлебом.

В. АНИСИМОВ.

Новочеркасск, Аз.-Черн. кр.

Глубокоуважаемый Крокодил!

Когда я опустил письмо в почтовый ящик № 1216 по Новослободской улице, то оно тут же выскочило из ящика обратно.

Сначала я подумал, что у меня неправильно написан адрес, и из-за этого ящик не принял письма. Но, присмотревшись внимательнее к ящику, я заметил, что он просто не имеет дна.

Тогда я направился к другому ящику № 1242 по улице Каляева, намереваясь опустить в него письмо. Но каково же было мое удивление, когда и этот ящик оказался бездонным. И пришлось мне от услуг этой «воздушной» почты отказаться совсем.

Как же быть? Неужели нужно садиться на поезд и самому везти свое письмо на родину?

ЛЮБЛИНСКИЙ.

Москва.

Дорогой Крокодил!

Есть поговорка: «Деньги на бочку». Азово-Черноморский Полиграфснаб полагает, что правильнее говорить: деньги за бочку. Так, за 72 килограмма краски в бочке, посланные нам, издательству газеты «Красное знамя» (Отраденский район), Полиграфснаб требует 41 р. 04 к., а за бочку — 54 рубля. Повидимому, Полиграфснаб полагает, что его назначение — снабжать своих заказчиков наиболее дорогими видами тары, вкладывая в нее из вежливости и кое-что из заказанного.

Зав. изд. **Н. ГЛАДКОВ.**

Станция Отрадное,
Аз.-Черн. край.

КОГДА МУЗТРЕСТ НЕДОСНАБЖАЕТ

Рис. К. Ротова

— Флейту разрешите целиком завернуть или нарезать?

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

СВИНЬЯМ ПОДЫХАТЬ НЕ РАЗРЕШАЕТСЯ!

9 марта 1935 г. зав. полтавским земотделом Коваль и районный зоотехник Белошанка отправили директору 25-й мельницы в Полтаве списки скота, занесенного в племенную книгу.

К списку была приложена строгая и категорическая директива:

Падёж или выбраковка скота может происходить только с предварительного разрешения Горземотдела.

На 25-й полтавской мельнице все в панике. А что, если какая-нибудь породистая свинья подложит им всем «свинью» и подохнет, не испросив предварительного разрешения у гг. Ковалья и Белошанко?!

ДЕЛО ОБ ОКУРКЕ

В одном из ленинградских магазинов «Бакалея» в булке был обнаружен окурочек.

Решили незамедлительно выдать виновника и достойно его наказать. Чего проще обратиться непосредственно на хлебозавод, поставляющий магазину свою продукцию. Вместо этого завели специальное «дело об окурке», и пошло это дело путешествовать.

1. Магазин сообщил дирекции Ленбакалея.
2. Ленбакалея сообщила Ленгорвнуторгу.
3. Ленгорвнуторг — директору треста хлебопечения Матвееву.
4. Директор Матвеев — своему заместителю Волкову.

5. Волков — своему инспектору Вербину.
  6. Инспектор Вербин — директору 2-го хлебозавода Будько.
  7. Директор Будько — своему заместителю Быкову.
  8. Быков — заведующему 5-м отделением Хлебозавода Епишину.
  9. Быков — завкому в товарищеском суде.
- «Дело об окурке» путешествовало целый месяц, и товарищескому суду ничего не оставалось делать, как направить это дело десятой и последней инстанции — «Крокодилу».

Мы же передаем это дело на суд читателей, как образец волокиты и бюрократизма.

ГОСКУЛЬТСНАБОВСКИМИ ЗАБОТАМИ

Есть такой Госкультаб, который широко рекламирует театральные бороды, голые черепа и городских блондинов для сцены. Неизвестно, как идут голые черепа в крупных центрах и много ли народа в густо населенных местностях пользуется стандартными бородами Госкультаба, но в колхозе драмкружки, по словам «Северного комсомольца» (Архангельск), работают исключительно на местном материале:

Часто молодые любители вместо грима употребляют уголь, мел, различные краски, а парики шьют из чего попало, приклеивая их гуммиарабиком.

— Подумаешь, гуммиарабиком, — наверное, говорят по этому поводу в Госкультабе, — не кнопки же им высылать для этого?

АХ, ВЫ, ЦВЕТИКИ-ЦВЕТОЧКИ...

Один старинный поэт когда-то кокетливо сознался:

Всех цветочков боле
Розу я любил.

Если бы его сейчас познакомили с расценкой на цветы в Ленинграде, вряд ли он подтвердил бы свое прежнее легкомысленное заявление. Оказывается, что:

роза, все затраты на которую
4 р. 94 к., продается за 12 р.

60 коп., себестоимость гортензии
1 р. 96 к., продается за 7 р., себестоимость тюльпана 65 коп., продается за 4 рубля.

Одуряющий аромат идет от цветов в Ленинграде... И не столько, собственно, от самих цветов, сколько от торгующих организаций. И очень жаль, что к нему уже привыкли и не замечают.

И НЕВЕРОЯТНО И ФАКТ

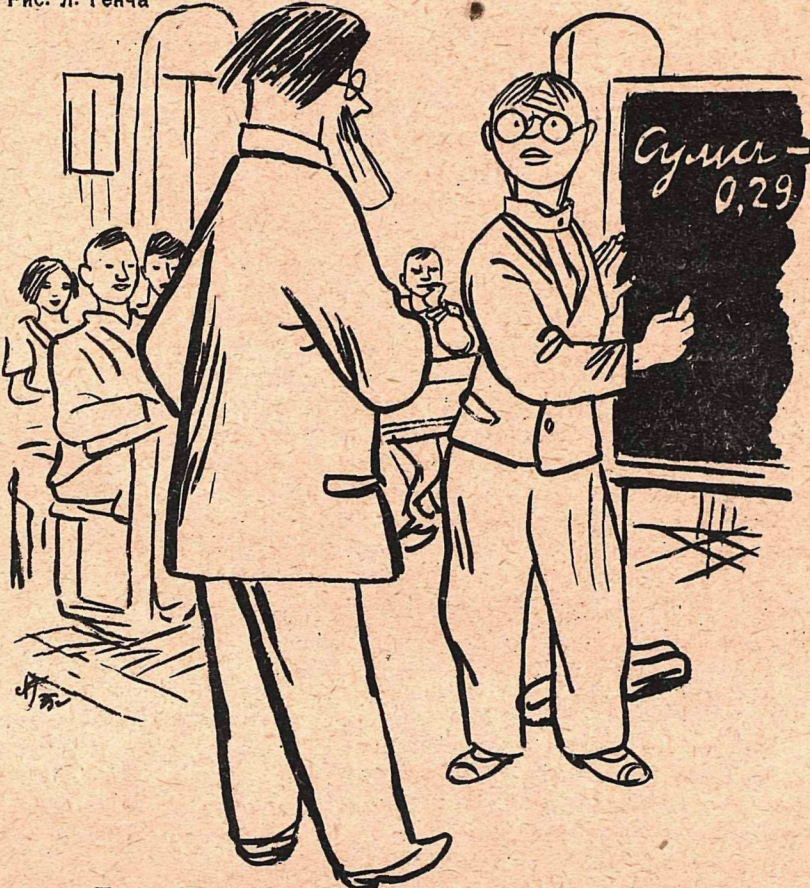
На некоторых грузах необходимо писать: «Осторожно». Хотя бы для того, чтобы не бросали зря. Так и на некоторых событиях следует писать: «Факт». Чтобы кто-нибудь случайно не принял их за анекдот.

В городе Можге (Удмуртская АССР) есть завод «Дубитель». Заводу нужны доски для тары. Около завода имеются лесозаводы и леспромхоз, где можно эти доски получить. Но хитер трест «Дубитель». Он заставил завод подписать договор на доски со Сталинградским тарным заводом. И получается следующее. Из соседнего с заводом леспромхоза берут лес, посылают его в Сталинград, там его распиливают и везут обратно в Можгу на завод «Дубитель».

Теперь, когда читатели ознакомились с упомянутым событием, можем снять нашу предварительную надпись: «Факт». И заменить ее более конкретной: «Безобразия!».

ЗАМАТЕМАТИЛСЯ

Рис. Л. Генча

— Тов. Иванов, почему вы слово «сумма» через одно «м» написали?

— Одно пишу, одно — в уме.

ЖЕНСКИЕ БРЮКИ

В «Сталинградской правде» в первых числах апреля появилась следующая заметка в хронике:

Фабрика имени 8 марта приступила к изготовлению для местного рынка белых летних товаров (костюмов мужских и женских брюк и т. п.).

ГЛАВНОЕ — ПРЕДОСТАВИТЬ

Во вновь организованном Радченском районе (Воронежская обл.) райкому комсомола

предоставлено помещение в сторожке при церкви. Вход в церковь и в помещение райкома один и тот же. В один из недавних воскресных дней комсомольцы должны были дожидаться

Ну что же: начали в апреле — к августу, может быть, и выпустят. Но сталинградцам беспокоиться нечего: с таким видом одежды, как женские брюки, можно подождать и до января. Зимой это тоже будет достаточно эффектный и интригующий туалет.

конца богослужения, чтобы войти в райком.

Советуем работникам, не нашедшим для комсомольцев лучшего помещения, не появляться часто на паперти упомянутой церкви. Согласно старой пословице таких людей и на паперти бьют.

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ
СПЕЦИАЛЬНЫЙ НОМЕР
КРОКОДИЛА —
СПОРТИВНЫЙ

Редактор МИХАИЛ КОЛЬЦОВ.

Редколлегия: Л. ГИНЗБУРГ, В. ЕРМИЛОВ, Б. ЛЕВИН, Л. РОВИНСКИЙ.

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, ул. Горького, 48. Тел. 1-80-55; 5-53-48. Прием ежедн. с 1 до 5 час. ● Подписная цена на журн. — 1 р. 20 к. в м. ● Изд-во ЦК ВКП(б) «ПРАВДА»

Москва. Изд. № 395.

Сдача текста и рисунков 13/IV-35 г.

Подпись к печати 25/IV-35 г.

Статформат А9—220×333.

Печатных листов 3.

Количество экз. в 1 печ. листе 120.000

Уполномоч. Главлита № Б—4348.

Ф-ка Детской книги ОГИЗ РСФСР треста «Полиграфкнига». Москва, Суевский вал, 49. Зак. 31. Тираж 300 000

50
29 АПР. 35
С.Д.С.С. НАЗНАЧЕНА

НЕУЛОВИМОСТЬ ПО-АМЕРИКАНСКИ

Рис. Ю. Ганфа

— Господин полисмен, скажите, пожалуйста, кто эта знаменитость?
— А это наш неуловимый бандит Гарри Миртон.